

В детстве и юности я больше всего писал стихов о море. В ту счастливую пору я его почти не знал.

Это не было какое-то определённое море: Чёрное, Балтийское или Средиземное. Это было для меня «праздничное» море. Оно соединяло в себе всё разнообразие красок, безудержную романтику, которая была далека от подлинной жизни, времени и реального географического пространства. Тогда эта романтика окружала земной шар, как плотная атмосфера.

В моём воображении это было разное море: пенистое, весёлое, исполненное неслыханной прелести. Море – родина крылатых кораблей и отважных мореплавателей. Маяки, как изумруды, горели на его берегах, и в портах ключом бурлила беззаботная жизнь.

С годами мои стихи сделались менее нарядными, и из них постепенно начала выветриваться экзотика. Если честно говорить, то детство и юношеские годы никогда не обходятся без экзотики.

Кто в детстве не осаждал старинные замки, не погибал на корабле с изодранными в клочья парусами? Кто не искал сокровища, которые так ловко запрятал Стивенсон на таинственном острове? Кто не слышал шума знамён в Бородинском бою или не помогал Маугли в непролазных дебрях джунглей?

Экзотика сообщает жизни ту долю необыкновенности, что так необходима каждому юному и впечатлительному существу. Дидро говорил: «Искусство заключается в том, чтобы найти необыкновенное в обыкновенном».

Я ничуть не жалею о детском своём увлечении экзотикой.

(По К. Паустовскому)